

«Встреча» — два безымянных героя, «два человека». Один, нагруженный продуктами и «барахлишком», направляется «в третье тысячелетие». «Думаешь, они нам хорошую жизнь приготовили?» Другой, «который налегке», держит путь в XIX век — «к деду с бабушкой, они у меня недалеко от Житомира имеют собственный хутор». Свою поэзию, свой выбор автор не определяет и читателю не подсказывает. Но со своим веком прощается: «До свиданья, голодное, холодное, обшарпанное, неумытое двадцатое столетие!»

Соч.: Стихотворения с посвящениями / послесл. Г. Маневича. Париж, 1989; Жители барака. М., 1989; Лирика без лирики. Париж; М.; Нью-Йорк, 1995; Избранное. Стихи и поэмы. М., 1999; Избранная проза. М., 2000.

Лит.: Кулаков В. Лианозово: История одной поэтической группы // Вопр. лит-ры. 1991. № 3; Интервью

с И. С. Холиным // Там же; Айзенберг М. Некоторые другие... // Театр. 1991. № 4; Кулаков В. Барачная поэзия Игоря Холина как классический эпос новой лит-ры // Новое лит. обозрение. 1993. № 5; Некрасов В. Обязанность знать // Там же; Игорь Холин: между прочим, у меня был и сталинский период / интервью Рассказовой Т. // Сегодня. 1995. 28 сент.; Федякин С. «Время всходит над нами... как ночь» // Независимая газ. 1995. 16 дек.; Блиндяев А. Мир как печатка и похороны за счет завода. Трое из «Третьей волны» // Книжное обозрение. 1996. № 24. 11 июня; Воробьев В. Друг Земного Шара // Зеркало: лит.-худож. ж. Тель-Авив. № 17, 18 (140); Сапгир Г. Идущий к нам Холин // Игорь Холин. Избранное. Стихи и поэмы. М., 1999; Колымагин Б. Пока дышу, пока пишу // Лит. газ. 1999. № 45; Смирнов А. Опыт Холина // Новый мир. 2000. № 4; Бек Т. Плутать вперед // Общая газ. 2000. № 23; Лимонов Э. Индус с караимом // Книга мертвых. СПб.: Лимбус-Пресс. 2000.

Ю. П. Иванов

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна [26.9(8.10). 1892, Москва — 31.8.1941, Елабуга, Татарская АССР; могила на местном кладбище указывается приблизительно] — поэт, прозаик, драматург.

М. И. Цветаева

В **«Автобиографии»** Ц. писала: «Отец — Иван Владимирович Цветаев — профессор Московского университета, основатель и собиратель Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств), выдающийся филолог. Мать — Мария Александровна Мейн — страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам — от матери, страсть к работе и к природе — от обоих родителей...» (Стихотворения и поэмы. С. 34). Отец Ц. был выходцем из бедного сельского священства, почти не отличавшегося по своему быту и привычкам от крестьянства. Свою «двуличие» и трудолюбие Ц. объясняла отцовским происхождением — от земли, где, по преданию, родился Илья Муромец (Талицкий у. Владимирской губ.). Мать сочетала в себе кровь немецкую, польскую, чешскую, что, возможно, и сказалось во взрывчатости темперамента Ц. От матери к поэтессе перешли музыкальность, особый дар воспринимать мир через звук, ощущать как музыку мерцание воздуха, окутывающего все сущее. Училась в 4-й Московской гимназии, затем в 1902 — во французском интернате в Лозанне, часть детских лет из-за болезни матери провела за границей — в Италии, Франции, Германии. Получила прекрасное образование, языки знала с детства, немецкий считала своим вто-

рым родным. Осенью 1906 после смерти матери училась в Московской гимназии; из-за трудного характера и конфликтов с преподавателями переходила из гимназии Фон-Дервиз в Алферовскую и Брюхоненко.

Стихи начала писать с 5 лет — по-русски, по-французски и по-немецки. Занятия литрой быстро переросли в подлинную страсть. Домашняя среда с культом античной и германской культуры способствовала всестороннему эстетическому развитию. Даже быт дома в тихом Трехпрудном переулке был насквозь пронизан постоянным интересом к искусству. На шкафах, на книжных полках стояли бюсты античных героев и богов, с годами сделавшихся как бы членами большой цветаевской семьи. Не случайно у Ц. много мифологических образов и реминисценций — она, возможно, была последним в России поэтом, для которого античная мифология оказалась необходимой и привычной духовной атмосферой. Впоследствии она написала пьесы «Федра», «Тезей», а дочь свою назвала Ариадной. Возможно, свойственное Ц. ощущение трагичности бытия зародилось именно в детстве, наполненном воздухом античной мифологии, античной трагедии. В первых книгах «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912) были собраны почти полудетские стихи. В них Ц. не искусственно обрисовывала семейный уклад родительского дома. М. Волошин отмечал в рецензии: «Автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг...» (Утро России. 1910. 11 дек. С. 6). Положительно отзывался о книге и Н. Гумилев, сказав, что в ней «инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии...» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 121). Одобрительно, но более сдержанно высказался В. Брюсов об излишней «домашности», но похваливший за «жуткую интимность» и за смелость в изображении повседневности (Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 197–198). Книга Ц. «Волшебный фонарь» встречена была более сдержанно. «Те же темы, те же образы, только бледнее и суше... Стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде; он тянется и обрывается...» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. С. 145).

В 1913 вышел сб. «Из двух книг», а в конце 1915 Ц. собрала книгу «Юношеские стихи», но она осталась неизданной. Безусловным достижением Ц. стала книга «Версты», знаменующая собой появление «подлинной» Ц.— трагического романтика,

зрелого художника. Но судьба этой книги оказалась неблагоприятной, т. к. от времени написания стихов (1916) до их появления в виде первой книги «Верст» прошло 5 лет; кроме того, «Версты» появились уже после отъезда Ц. из России. «Версты» вышли в виде двух взаимосвязанных книг и с тех пор так и называются — «Версты I» и «Версты II». По первоначальному замыслу это, конечно, должна была быть одна книга. Ц. хотела дать ей название «Мать-Верста». Она разделила их по чисто техническим, издательским причинам.

В «Версты» с большой силой и поэтическим размахом вошла Россия времен войны и кануна революции. Из стих. в стих. через обе книги на глубоком дыхании в строфах яркой красоты и силы Ц. провела «русскую тему», почти ни разу не ступившей ни в декоративность, ни в орнаменту. С поры «Верст» фольклорное начало уже не уйдет из творчества Ц. — с особенной и мощной силой скажется оно в ее поэмах «Царь-Девница» (1920), «На Красном коне» (1921), «Молодец» (1922, изд. 1924), «Переулочки» (1922), которые появились позже, но с «Верстами» связаны органично. Всплеск народного начала в творчестве Ц. породило прежде всего народное горе в эпоху войн и революций. Вместе с народным горем в ее стих вошло и народное слово. На первый взгляд фольклорность Ц. кажется неожиданной и даже труднообъяснимой. Ц. совершенно не знала русской деревни, никогда не бывала там. Не было у нее и русской няни. Мать лучше знала немецкие сказки, чем русские; отец, выходец из владимирских мужиков, был полностью поглощен античностью, которая перекрывала у него все иные интересы. Но в одном из писем, отвечая на вопрос корреспондента, употребившего не понравившееся ей выражение «народный элемент», она сказала: «...„народный элемент“? Я сама народ...» Крестьянские корни ее натуры, шедшие из владимирской земли и прораставшие из московской, жили в прапамяти поэтессы. Дом Цветаевых был окружен морем московского люда: приезжие мужики, странники, богомольцы, юродивые, мастеровые. Ц. еще в младенчестве, можно сказать, была «крещена» московской речью. Вот почему через годы, в эмиграции, этого богатства ей хватило с избытком — речевую Россию она унесла с собою. Ее поэмы «Царь-Девница», «Переулочки», «Молодец» насыщены сказочно-былинным словом.

Годы революции Ц. дались нелегко — она бедствовала, ее маленькая дочь умерла от

голода в приюте, муж Сергей Эфрон 3 года не подавал о себе вестей, находясь в Добровольческой белой армии. О Белой армии, томимая любовью и неизвестностью, она написала книгу стихов **«Лебединый стан»**. В ней — 59 стих., написанных в 1917–20. (Впервые эта книга была опубликована за границей в 1957 г., на родине Ц. — в 1990.) Но эти труднейшие годы — время разлуки, нищеты, голода — явились и порою удивительного по интенсивности творческого взлета. Ц. пишет цикл романтических пьес (**«Метель»**, **«Фортуна»**, **«Приключение»**, **«Каменный ангел»**, **«Феникс»** и др.), а также гигантскую поэму-сказку **«Царь-Деввица»**.

В 1922, влекомая любовью и верностью, Ц. выехала за границу — в Прагу: именно там оказался Сергей Эфрон. Ее эмиграция не была политическим актом — это был поступок любящей женщины. Первые 3 года (до конца 1925) Ц. жила в пригородах Праги — Вшенорах и Мокропсах. Затем переехала в Париж. Из всех бедственных, нищенских эмигрантских лет и мест самыми светлыми и дорогими оказались годы в Чехии. Там родился сын Георгий, что давало ей возможность говорить о своей породненности с горячо любимой Чехией. Стихов она писала много, и среди них есть подлинные шедевры. Исключительной силой отличаются стихи, посвященные разлуке с родиной. Впервые ей удалось издать сразу несколько книг: **«Стихи к Блоку»**, **«Разлука»** (обе — 1922), **«Психея. Романтика»**, **«Ремесло»** (обе — 1923), поэма-сказка **«Молодец»**. Творчество Ц. продолжало быть исключительно интенсивным во все годы эмиграции, но издаваться книги почти перестали. В 1928 появился последний прижизненный сб. Ц. **«После России. 1922–1925»**, включивший в себя стихи обозначенных в названии лет.

Среди произведений чешского периода особо выделяются **«Поэма Горы»** и **«Поэма Конца»** (1924). Эту своеобразную лирико-трагедийную поэтическую дилогию Б. Пастернак назвал «лучшею в мире поэмой о любви». В ее сюжете краткая, но драматическая история реальных взаимоотношений, связанных с увлечением Ц. эмигрантом из России Константином Радзевичем. Поэмы интересны не только тем, что история любви передана в них с исключительной драматической силой, но и удивительным сочетанием в них любовного романа с саркастической нотой обличения мещанской, сытой и самодовольной повседневности, буржуазного строя, уродливых отношений, смещающих

истинные человеческие ценности. В этом смысле диалогия неожиданно близка поэме Вл. Маяковского **«Про это»**, хотя Ц., всегда высоко ценившая поэта, именно этой поэмы в то время еще не знала. Не случайно, когда Маяковский в 1928 приехал в Париж, именно Ц. представляла его публике и пропагандировала его творчество (за это Ц. поплатилась отлучением от эмигрантских журналов и газет, дававших ей кое-какие средства к существованию).

Саркастическая нота, прозвучавшая в поэме-диалогии, появлялась в стихах Ц. периода эмиграции достаточно часто. Она пишет **«Поэму заставы»** (1923) — о бедственном положении рабочих и о растущей ненависти нищих к сытым. Разоблачению филистерства посвящена большая поэма **«Крысолов. Лирическая сатира»** (1925), построенная на немецком фольклоре. В поэме **«Лестница»** (1926) Ц. создает символический образ Лестницы человеческого бесправия. Символически и образ сна-пожара в финале поэмы.

В эмиграции Ц. не прижилась. Очень быстро выявились глубокие расхождения между нею и эмигрантскими кругами — они особенно усилились в связи с деятельностью С. Эфрона и ее дочери Ариадны, настроенных просоветски. С. Эфрон, кроме того, оказался замешанным в деятельности советских секретных служб, что заставило его спешно покинуть Францию и вернуться в СССР; вслед за ним вернулась и Ариадна. Их судьба по возвращении оказалась печальной: С. Эфрон был расстрелян в октябре 1941, Ариадна попала в лагерь, а затем в ссылку. Одним из наиболее драматичных произведений парижского периода была **«Поэма Воздуха»** (1927) — ее в равной мере можно назвать «Поэмой Удушья» или «Поэмой Самоубийства». Да и все ее поэмы эмигрантского периода отмечены знаком Рока и Трагедии. Таковы не только **«Поэма Воздуха»** или **«Крысолов»**, но и поэмы **«С моря»** (1926), **«Попытка Комнаты»** (1928), **«Новогоднее»** (1927), **«Красный бычок»** (1928), **«Перекоп»** (1929, напечатана в 1967). Мотив Рока характерен и для трагедий на античные темы: **«Ариадна»** (1924, опубликована под названием **«Тезей»** в 1927) и **«Федра»** (1927, опубликована в 1928).

Наряду со стихами и пьесами Ц. пишет прозу, главным образом лирико-мемуарную. Ц. объясняла начавшуюся постоянную работу над прозой (к концу 1920-х и в 1930-е), лишь эпизодически сопровождающуюся стихами, во многом нуждой: прозу печатали, стихи — нет, за прозу больше платили.

Но главное: Ц. считала, что существует на свете не поэзия и проза, а проза и стихи; лучшее, что может быть в лит-ре, — это лирическая проза. Поэтому проза Ц., не являясь стихом, представляет тем не менее подлинную поэзию — со всеми присущими ей особенностями. Цветаевская проза уникальна, резко своеобразна. Поэтесса пишет ряд больших статей и крупных, насыщенных автобиографизмом портретов («Дом у старого Пимена», «Сказка матери», «Кирилловна», «Мать и музыка», «Черт» и др.). Особое место в ее прозаическом наследии занимают большие, мемуарного характера статьи-надгробия, посвященные Волошину, Мандельштаму, А. Белому, Софье Голлидей («Повесть о Сонечке», 1937). Если все эти произведения расположить в ряд, следуя не хронологии их написания, а хронологии описываемых событий, то мы получим достаточно последовательную и широкую автобиографическую картину, где будет и раннее детство, и юность, Москва, Таруса, Коктебель, Гражданская война и эмиграция, а внутри всех этих событий — Мандельштам, Брюсов, Волошин, Антокольский, Вахтанговская студия, Есенин, Завадский, Маяковский, Луначарский, Бальмонт. Главное, что роднит цветаевскую прозу с ее поэзией, — это романтизм, экзальтированность стиля, повышенная роль метафоры, «вздетая» к небу интонация, лирическая ассоциативность. Проза ее так же уплотнена, взрывчата и динамична, так же раскована и крылата, музыкальна и вихреобразна, как и ее стихи. Как правило, музыка стиха Ц. резка, дисгармонична, порывиста. Повинуясь интонации и музыкальным синкопам, Ц. безжалостно рвет строку на отдельные слова и даже слоги, но и слоги своеобразно переносит из одного стихового строчного ряда в другой, даже не переносит, а словно отбрасывает, подобно музыканту, изнемогающему в буре звуков и едва справляющемуся с этой стихией. Ее музыкальность, родственная пастернаковской, совершенно не похожа ни на символическую звукопись, ни на обволакивающие и завораживающие ритмические гармонии: «Оставленной быть — это втравленной быть / В грудь — синяя татуировка матросов! / Оставленной быть / Семи океанам... Не валом ли быть / Девятым, что с палубы сносит?» («Ариадна»). Музыке Ц. вполне «соответствовал» Скрябин, не мог быть чужд Стравинский, а позднее — Шостакович, не случайно написавший несколько произведений на ее стихи. А Цветаева (сестра поэтессы) отмечала, например, и «шопеновский» период в ее творчестве 1918–19. Ц.

принадлежит книга «Мой Пушкин» (1937), историко-лит. работы: «Поэт о критике» (1926), «Искусство при свете совести» (1932–33), «Эпос и лирика современной России» (1932) и др.

В 1939 Ц. вместе с сыном возвратилась на родину. Вторую мировую войну она восприняла трагически и выступила с поэтическими строками яркой антифашистской направленности. Ее стихи, посвященные Чехии, борющемуся чешскому народу, стали яркой страницей мировой антифашистской поэзии. Она предстала в этих произведениях, оказавшихся последним взлетом ее таланта, художником пламенного гражданского темперамента, выдающимся публицистом и политическим оратором. Антифашистские стихи достойно завершили ее творческий путь.

Вернувшись на родину в пору жесточайших репрессий, разлученная навсегда с мужем и дочерью, Ц. уже не могла плодотворно работать, хотя и трудилась над переводами, не приносящими ей ни удовлетворения, ни заработка. Подготавливая в это время для печати сб. своих произведений, она включила в него печальные строки: «Пересмотрите все мое добро, / Скажите — или я ослепла? / Где золото мое? Где серебро? / В моей руке — лишь горстка пепла!» («Пригвождена...»).

Оказавшись в конце лета 1941 в эвакуации, не найдя работы, подавленная осложнившимися отношениями с сыном, а также др. обстоятельствами, она покончила с собой.

Ц. — «поэт предельной правды чувств». Ее стих «был естественным воплощением в слове мятущегося, вечно ищущего истины, беспокойного духа» (Вс. Рождественский).

Соч.: СС: в 7 т. М., 1994–95; Неизданное. Записные книжки: в 2 т. М., 2001; Неизданное. Сводные тетради. М., 1997; Неизданное. Семья: история в письмах. М., 1999; Неизданное. Переписка с Б. Радзевичем. М., 2002; Избранные произведения / вступ. статья В. Орлова. Л., 1965; Мой Пушкин / вступ. статья В. Орлова. М., 1967; Стихотворения и поэмы / вступ. статья Вс. Рождественского; сост., подгот. текстов и комм. А. Саакянц. Л., 1979. (Б-ка поэта. М. серия); Соч.: в 2 т. / вступ. статья Вс. Рождественского; сост., подгот. текста, комм. А. Саакянц. М., 1994; Театр / вступ. статья П. Антокольского; сост., подгот. текста и комм. А. Эфрон и А. Саакянц. М., 1988; Стихотворения и поэмы / вступ. статья, сост., подгот. текстов и прим. Е. Б. Коркиной. Л., 1990. (Б-ка поэта. Б. серия); Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева. Письма 1926 года / подгот. текстов, сост., предисл., переводы, комм. К. М. Азадович, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. М., 1990; «Где оступается любовь...». Сборник 40-го года: Последние стихи и письма. Воспоминания современников / вступ. статья, комм. Н. В. Ларцевой. Петрозаводск, 1991.

Лит.: Эренбург И. Поэзия Марины Цветаевой // Лит. Москва. 1956. № 2; Иванов В. Поэзия Марины Цветаевой // Тарусские страницы. Калуга. 1961; Паустовский К. Лавровый венок // Простор. 1965. № 10; Твардовский А. Марина Цветаева // Цветаева М. Избранное. М., 1961; Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989; Саакянц А. Марина Цветаева. М., 1988; Павловский А. Куст рябины: О поэзии Марины Цветаевой. Л., 1989; Цветаева А. Воспоминания. М., 1983; Эфрон А. О Марине Цветаевой. М., 1989; Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992; Маслова М. И., Кудрова И. Версты, дали... Марина Цветаева. 1922–1939. М., 1991; Они же. Гибель Марины Цветаевой. М., 1995; Бродский о Цветаевой: Интервью, эссе. М., 1997.

А. И. Павловский

ЦЕНЗОР Дмитрий Михайлович [10(22).12.1877, Петербург — 26.12.1947, Москва] — поэт, прозаик.

Родился в бедной еврейской семье. Отец — портной — привил мальчику любовь к поэзии и рисованию. С детства «без конца мог импровизировать наивными детскими стихами фантастические сказки, они часто носили юмористический характер» (Автобиография // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. М., 1911. С. 240). Детство и раннюю юность провел в Ярославле и Ростове. По собственному признанию, «с детства много поэтических переживаний будил <...> женский образ» (Там же). Первое стих. написал в 12 лет, находясь под влиянием поэзии Надсона. Лит. дебют состоялся в 1894 — стих. в «Виленской газ.», подписанное инициалами. Темы первых лирических стихов — природа и любовь. В 17 лет попал в Ковно и Вильно, где познакомился с жизнью еврейской бедноты в черте оседлости. В автобиографии Ц. признавался, что «полюбил болезненную, сумеречную жизнь кривых еврейских кварталов» (Там же. С. 241). Здесь он увлекся социальными науками, общественными идеалами и настроениями пролетарской молодежи. Начал писать стихи на гражданские темы, подавляя в себе склонность к субъективной лирике. Ранние опыты были сожжены квартирной хозяйкой во время одного из обысков. В 1901–02 поступил в худож. школу в Одессе. Печатал стихи на страницах «Одесских новостей» и в «Южных записках». Увлекался идеями Ницше, ницшеанский культ грубой силы и эротики отразился в лирике тех лет. Тогда же состоялось знакомство с К. Чуковским.

В 1903 перебрался в Петербург. Здесь опубликовал стихи в «Образовании» и «Мире

Д. М. Цензор

Божьем». В 1904–08 учился в Петербургской Академии художеств, параллельно в 1906–08 на историко-филол. ф-те Петербургского ун-та.

В 1905–06 Ц., захваченный революционным порывом, печатал стихи в большевистских изданиях. Затем произошел поворот в сторону интимной, субъективной лирики, которая не свободна от влияния Бальмонта и Блока.

На первый поэтический сб. «**Старое гетто**» (СПб., 1907) откликнулся А. Блок в статье «О лирике»: «Маленькая книжка <...> могла быть еще меньше. Этот поэт слишком многословен, он не довольно любит слова. Несмотря на однообразие его музыки, от него можно ждать лучшей книги, судя уже по тем стихам, которые нам приходилось читать в журналах и газетах» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 158).

Ц. легко входил в разные лит. группировки: частый посетитель «Башни» Вяч. Иванова, он считал, что именно на ивановских «средах» развился и окреп его худож. вкус. Свой среди «сатириконовцев», в янв. 1914 Ц. составляет отчеты «Цеха поэтов» (см.: Златоцвет. 1914. № 3. С. 16) часто читает свои тексты на поэтических вечерах, студенческих балах и вечеринках.

«Дмитрий Цензор — создание петербургской богемы одной из последних формаций, именно той, которая, в свою очередь, создана революцией 1905 года» (Блок А. СС: в 8 т.